13. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998.

14. Шишкина А.А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2011. № 1(21). С. 151–157.

* * *

1. Gavrilov E.O. Formirovanie religioznogo landshafta sovremennoj Rossii: problema definicij // Vestnik KemGU. 2012. № 3(51). S. 241–247.

2. Galkova O.V. Zarubezhnaja istoriografija kul'turnogo landshafta // Vestn. Sarat. soc.-jekon. un-ta. 2008. № 2(21). S. 122–125.

3. Glavackaja E.M. Religioznyj landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstrukcii, metody issledovanija // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2008. № 4(21). S. 76–82.

4. Gorina K.V., Biktimirova Ju.V. Raznoobrazie dorevoljucionnogo kul'turno-religioznogo landshafta Zabajkal'skogo kraja // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2013. № 4. S. 80–83.

5. Ezhova N.A. K jevoljucii razvitija kul'turnogo landshafta // Analitika kul'turologii. 2007. № 8 [Jelektronnyj resurs] // KiberLeninka: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-evolyutsii-razvitiya-kulturnogo-landshafta (data obrashhenija: 01.04.2015).

6. Kaluckov V.N. Osnovy jetnokul'turnogo landshaftovedenija. M.: Izd-vo MGU, 2000.

7. Livinskaja O.A. Ponjatie kul'turnogo landshafta v otechestvennoj geografii // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2012. № 14. S. 120–128.

8. Nabieva U.P. Geografija religii v Dagestane // Izvestija AN SSSR. Ser.: Geografija. 1994. № 6. S. 91–96.

9. Lidov A.M. Ierotopija. Prostranstvennye ikony i obrazy-paradigmy v vizantijskoj kul'ture. M.: Feorija, 2009.

10. Normanskaja Ju.V. Fenomen religioznogo landshafta Kryma: k postanovke problemy // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Sociologija. 2013. T. 24(65). № 3. S. 241–247.

11. Sanami T. Obraz religioznogo landshafta v SSSR v 1965–1985 (na primere Soloveckogo muzeja-zapovednika) // Vestnik Evroazii. 2008. № 4. S. 9–26.

12. Safronov S.G. Geograficheskie aspekty izuchenija religioznoj sfery: dis. … kand. geograf. nauk. M., 1998.

13. Turovskij R.F. Kul'turnye landshafty Rossii. M.: Institut Nasledija, 1998.

14. Shishkina A.A. Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Social'nye nauki. 2011. № 1(21). S. 151–157.

Theoretical and methodological issues of religious landscape study

The article deals with the notion "religious landscape" in the domestic science. The authors suggest new theoretical and methodological approaches to research based on the wave theory of substance structure and the institutional approach. It is stated that this complex geo-cultural and historical phenomenon is only beginning to be researched.

Key words: *hierotopy, religious landscape, cultural landscape, classification of religious landscape, structure of religious landscape.*

(Статья поступила в редакцию 19.04.2017)

М.М. АМИРХАНОВА, Н.Т. МУСЛИМОВА
(Махачкала)

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ ДАГЕСТАНА В 1920-х гг.

На основе новых архивных источников рассматривается становление пенсионного дела, важной составляющей социальной политики государства в Республике в первое десятилетие советской власти. В данном контексте характеризуются разные формы социальной помощи – пенсии, пособия, пайки семьям красноармейцев и т.д. Анализируются как успехи, так и трудности в этом деле.

Ключевые слова: *пенсионная система, Дагестан, народный комиссариат социального обеспечения, пенсионеры, пенсии, пособия, паек, социальная помощь, кресткомы, общественные работы.*

Социальная политика относится к приоритетным направлениям деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и занимает одно из определяющих мест в жизни страны. Об этом свидетельствуют национальные проекты, принятые и реализуемые в современной Российской Федерации, направленные на решение ключевого вопроса государственной политики – повышение качества жизни граждан страны. Из четырех приоритетных национальных проектов три являются основными составляющими социаль-

© Амирханова М.М., Муслимова Н.Т., 2017

ной политики («Образование», «Здоровье», «Доступное жилье»). Благополучие в социальной сфере – гарант политической стабильности общественной системы, поэтому, осуществляя реформы, нужно в первую очередь учитывать опыт российского государства по решению социальных задач. В этом отношении значимым представляется обращение к историческому опыту реализации социальной политики советского государства на местах, в том числе в 1920-е гг., когда проблемы социальной сферы, как и сегодня, являлись приоритетными.

До 1917 г. случай наступления старости не включался в сферу социального страхования. В 1920-х гг. развернулась дискуссия о необходимости рассмотрения старости как отдельного вида нетрудоспособности, нуждающегося в пенсионном обеспечении. В то время социальное обеспечение престарелых строилось не на основе учета возраста, а на основе утраты трудоспособности и наступления инвалидности, исходя из следующего принципа: «фарисейское уважение к сединам и морщинам – шутка, чуждая пролетарской морали <…> Если ты старик и способен еще к труду – работай, а лишился трудоспособности – получай пенсию» [2, с. 44].

Однако ситуация быстро менялась, и уже к концу 1920-х гг. пенсионным обеспечением по старости были охвачены преподаватели высших учебных заведений (с 1924 г. по достижении 65 лет), рабочие текстильной промышленности (с 1928 г.), ведущих отраслей тяжелой промышленности и транспорта (с 1929 г.). В 1929 г. впервые были установлены различия в размере между пенсией по инвалидности и по старости, а также порядок выплаты пенсий по старости для продолжающих работать [2].

В Дагестанской области также не существовало никакого обеспечения престарелых и нетрудоспособных трудящихся. Трудовой человек был в страхе перед старостью, болезнью и инвалидностью. Делу становления пенсионного обеспечения в республике стало уделяться, как и по стране, самое пристальное внимание с первых лет установления советской власти. В 1918 г. СНК СССР утвердил Положение о социальном обеспечении трудящихся. 15 ноября 1921 г. В.И. Ленин подписал декрет «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом».

Рассматриваемая проблема не нашла отражение в трудах историков Дагестана. Отдельные ее аспекты освещались в научно-популярной брошюре Л. Керимовой [1]. Ценным подспорьем по изучению проблемы являются архивные источники. В фондах ЦГА РД есть документальные материалы, в которых можно обнаружить интересные для исследователей сведения.

Разоренный затяжной Гражданской войной Дагестан только в начале 1920 г. получил возможность приступить к организации органов управления новой власти. Постановлением Дагревкома от 26 апреля 1920 г. и параграфа 3 декрета ВЦИК от 20 января 1921 г. был образован отдел социального обеспечения Дагестанской области для осуществления руководства органами социального обеспечения и оказания помощи инвалидам войны и труда. При Наркомсобесе состояли комиссии, действующие на основании особых о них положений:

– Комиссия по назначению персональных пенсий и пособий;

– Центральная жалобно-конфликтная комиссия;

– Совет по трудовому устройству.

Наркомсобес сразу же взял на обеспечение 9229 пенсионеров и 8879 семей красноармейцев и работников милиции [1, с. 4].

Особое внимание, которое уделялось развитию пенсионного дела в Дагестане, нашло отражение и в протоколе первого заседания съезда заведующих окружными и городскими собесами Дагестанской области (21 декабря 1921 г.) в г. Темир-Хан-Шуре. Там было записано: «Советская Россия, победив своих врагов на боевых фронтах, все силы направляет на фронт труда <…> Съезд заведующих отделами собеса, помня это, приложит все силы, чтобы дать возможность семьям красноармейцев, рабочих, потерявшим трудоспособность и просто неимущим прожить без нужды, чтобы красноармейцы всегда знали, что их семьи обеспечены всем необходимым, рабочие не боялись старости и увечья, зная, что у нас есть отдел социального обеспечения, который даст поименно средства к существованию» [3. Л. 8, 8 об.].

Подотдел пенсий и пособий являлся самым главным из подотделов Собеса, через который проводились в жизнь все идеи социального обеспечения. Основанием для получения пенсии и пособия служило заявление гражданина, при этом выявлялось его право на получение обеспечения как принадлежащего к классу трудящихся. Кроме того, требовалось удостоверение от сельского Ревкома об иму-

щественном и семейном положении с указанием возраста каждого члена семьи. Необходимо также было представить медицинское свидетельство об утрате трудоспособности.

В эту же графу входило и получение пособий в натуральном виде: мануфактурой, одеждой, обувью и т.д. Пособия были следующих видов: временная утрата трудоспособности, по случаю беременности и родов, на погребение, жертвам контрреволюции, стихийных бедствий, паек семьям красноармейцев [3. Л. 12, 13]. Например, все вышеуказанные документы семьи красноармейцев относили в окружной собес, который передавал эти бумаги с актом обследования имущественного и семейного положения каждой семьи в секцию пайка.

Между тем архивные документы позволяют судить о трудностях, с которыми сталкивались на местах при организации пенсионного обеспечения. Так, в своем докладе заведующий Дербентским собесом Эльдаров на вышеуказанном съезде работников собеса отмечал отсутствие достаточного количества сотрудников, неорганизованность других отделов на местах, вследствие чего собесу приходилось выполнять и их функции. Вместе с тем большинство учреждений не оказывало содействия собесу, были даже случаи противодействия.

Большую работу по социальному обеспечению населения проводил Порт-Петровский окружной собес. Он предоставлял еженедельную и месячную сводки о своей деятельности в информационное бюро при отделе Управления Порт-Петровского Ревкома. Так, из отчета о работе собеса с 28 мая по 6 июня 1921 г. следует, что было выдано с учетом пайков семьям красноармейцев 221 пенсий, пособий на сумму 1016042 руб., неимущим гражданам бязи – 84 аршина, фуражку – 1 шт., кожи козлиной – 1 шт., на погребение бязи – 219 аршинов [4. Л. 72].

В месячной сводке сообщалось, что было выдано 934 пенсий, пособий и пайков на сумму 3838458 руб. [Там же. Л. 79] За полтора года существования собеса было выдано около 60 000000 руб. Однако из-за отсутствия необходимого финансирования собес был лишен возможности выдавать своим иждивенцам ставки даже по нормам, установленным НКСО с 1 мая 1921 г. При наличии высоких рыночных цен на продукты первой необходимости месячного пособия едва хватало на пропитание одного человека.

В то же время кооперативом «Женщина-мать» было предложено увеличить плату за отпускаемые обеды иждивенцам собеса из-за растущей дороговизны продуктов или же уменьшить количество обедов до 50. Собес увеличил плату с 1500 руб. до 3000 руб., а число обедов оставил прежним, т.е. на 100 человек [4. Л. 67].

В условиях новой экономической политики деятельность Порт-Петровского окрсобеса претерпела определенные изменения. С учета снимались лица, которые могли себя в какой-то мере обеспечивать, неполные инвалиды, могущие заняться торговлей, посредничеством, работать в разных кооперативных, промышленных предприятиях. Это давало возможность на более полное обеспечение прожиточного минимума оставшимся на иждивении собеса пенсионерам, которые получали в месяц от 6 до 13800 руб. и еле сводили концы с концами [Там же. Л. 105].

В то же время в данном архивном фонде сохранились документы с мест о неполучении социальной помощи разными категориями населения. Так, группа учителей из Буйнакского округа республики обратилась в ДагЦИК с жалобой, что сельские учителя не получают пайки, мануфактуру, которыми обеспечиваются другие служащие. Они также не получали разрешение на обеспечение дровами на зиму [5. Л. 35]. В объяснительной записке Наркомпроса С. Габиева было отмечено, что «сельский учитель, имея под боком лес, поле, обязан всячески заботиться о себе, такую мелочь не требовать от Наркомпроса <…> Что касается неаккуратности выплаты содержания, то она происходит чисто из-за отсутствия средств <…> Сельские учителя по мере возможности снабжались мануфактурой наравне с городскими» [Там же. Л. 34].

Наряду с пенсиями по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца, военнослужащим, их семьям, работникам науки назначали и выплачивали персональные пенсии. Они устанавливались лицам, имеющим особые заслуги перед советским государством в области революционной, государственной, общественной и хозяйственной деятельности, выдающиеся заслуги в развитии культуры, науки и техники, а в случае смерти этих лиц – членам их семей. Впервые в республике персональные пенсии были назначены постановлением Совнаркома ДАССР от 6 мая 1923 г. В нем было сказано: «В ознаменование особых заслуг некоторых политических работни-

ков, с беззаветной преданностью активно служивших в Дагестане идеалам пролетарской революции и погибших в борьбе за ее достижения, Совет Народных Комиссаров ДАССР, в целях увековечения их памяти и обеспечения их семей, постановляет назначить семьям нижепоименованных товарищей пожизненную пенсию…». Список состоял из 14 фамилий известных революционеров Дагестана: Махача Дахадаева, Уллубия Буйнакского, Магомеда-Мирзы Хизроева и др. [1, с. 13].

Анализ архивных документов показывает, что жители республики достаточно часто обращались за назначением персональных пенсий. Здесь обращения как самих участников Гражданской войны, так и родственников погибших военнослужащих и ответственных политработников, с прошениями об установлении персональных пенсий. Основания для них были самые разные. Например, с подобной просьбой обратился Гасан Халибек Гаджи Оглы, отец погибшего в 1923 г. ответполитработника Гасанова Магомеда, активного участника революционного движения.

Хасавюртовский окружной исполком обратился с ходатайством об увеличении пенсии инвалиду Гражданской войны Абдул-Муслиму Даутову. Вопрос был передан на обсуждение Коллегии Наркомсобеса, поскольку заявитель являлся рядовым партизаном, не попадал под действие положения о персональных пенсиях [5. Л. 6].

Для оказания помощи жертвам контрреволюции была создана специальная комиссия при Дагсобесе. В данном архивном фонде отложилось достаточно большое количество прошений и заявлений пострадавших о помощи. Здесь приводятся списки пострадавших во время боев в той или иной местности Дагестана с указанием количества потерянного имущества и его оценки. Так, в прошении жителей села Янан-Кала Кюринского округа сообщалось, что во время боя с белогвардейцами приведены в совершенную негодность для жилья дома: двери и окна разбиты, лестница тоже, без капитального ремонта не обойтись. Жители просили возместить ущерб в размере 325000 руб. Кроме того, потерю движимого имущества на сумму 125000 руб.

Вследствие введения продналога и отмены продразверстки красноармейские и маломочные хозяйства лишились существовавшей ранее принудительной помощи со стороны более сильных хозяйств. Кроме того, государство в силу крайнего истощения его ресурсов не в состоянии было одними своими средствами обеспечить бедноту деревни. В связи с этим предлагалось привлечь к делу социальной помощи деревне широкие крестьянские массы на началах взаимопомощи. Для этого декретом Совнаркома РСФСР от 14 мая 1921 г. в аулах создавались крестьянские комитеты взаимопомощи.

В выписке из протокола заседания Коллегии Наркомсобеса Дагестана от 15 сентября 1921 г. указывалось: «Признать срочную организацию Комитетов взаимопомощи необходимым, принимая во внимание срочность и важность их организации, просить обком о немедленном командировании 4–5 ответственных работников для посылки в округа» [5. Л. 113]. Первейшей задачей кресткомов считалось запахивание земли общественными силами на нужды иждивенцев, и по обработке окрсобесы должны были затребовать из земельного отдела зерно, ссылаясь на приказ НКЗема и НКСО от 25 сентября 1921 г.

Таким образом, всем окрсобесам предлагалось принять срочные меры к истребованию от земотделов удобных для сельского и огородного хозяйства участков земли, сельскохозяйственных орудий, семян, живого и мертвого инвентаря и приступить к немедленной запашке путем субботников. В итоге создавался натурфонд НКСО.

Из отчета о деятельности окружного земотдела Кайтаго-Табасаранского округа можно получить сведения о помощи безземельным крестьянам. Так, им было отведено под яровые посевы 35,5 десятин пахотной земли и 4 десятин сенокоса. На кутанах была размещена баранта в количестве 24224 голов. Из розданной осенью 1920 г. семенной ссуды было собрано пшеницы озимой 444 и озимого ячменя 430 пудов, которые были распределены между нуждающимися крестьянами. Кроме того, окрземом были командированы представители в более многоземельные районы (Сафаровский, Кара-Кайджинский), которым было вменено в обязанность и еще очистить оросительные каналы путем субботников [Там же. Л. 200].

Таким образом, большое внимание уделялось оказанию трудовой помощи и привлечению населения к общественным работам. Например, в Самурском округе по инициативе кресткомов их средствами и силами было сооружено 2 моста на реке «Самур» и «Ахты-Чай» [6. Л. 32, 32 об., 33]. Однако быстрый рост кресткомов в округах и их широкая дея-

тельность были приостановлены ликвидацией окрсобесов. Недостаток инструкторского персонала тормозил связь между местными органами и Наркособесом.

Между тем в отдельных регионах страны было замечено вмешательство местных органов в работу кресткомов, миновавшее органы собеса. Оно проявлялось в разных формах. Чаще всего губернские продовольственные комитеты стремились взять в свое распоряжение фонды кресткомов, созданные путем самообложения, и пытались их использовать на надобности, не относящиеся к делу социального обеспечения деревни. Отдельные губпродкомы, считая кресткомы своим подчиненным органом, делали им категорические предписания, касающиеся норм самообложения, сдачи всех собранных продуктов в местные кооперативы без права распоряжаться ими по своему усмотрению, угрожая за неисполнение этих распоряжений преданием суду революционного трибунала.

В губсобесы поступали массовые жалобы на такого рода вмешательство. Подобные явления подрывали к кресткомам доверие широких крестьянских масс, совершенно парализуя их работу и заставляя слагать свои полномочия. В этой связи было разослано циркулярное письмо Наркомсобеса РСФСР от 25 января 1922 г., в котором отмечалось, что «вышеуказанные действия, порождающие недовольство широких крестьянских масс, должны быть в корне пресечены, как неправильные и незаконные <…> Всякое вмешательство местных органов в распоряжение материальными и денежными фондами Комитетов взаимопомощи <…> является абсолютно недопустимым, опасным политически и вредным для дела» [7. Л. 8, 8 об.].

Состояние пенсионного обеспечения в Дагестане оставляло желать лучшего. Нормы пенсий были крайне разнообразны, колеблясь от 3 руб. 30 коп. до 21 руб. 60 коп. К причинам этого относилось, с одной стороны, недостаточное внимание со стороны местных властных органов к вопросам социального обеспечения, что не могло не отразиться на работе местных органов собеса, с другой – ряд местных особенностей и условий, в той или иной мере влияющих на эту сферу. Например, недостаточное финансирование штатов собеса приводило к издержкам с жалованьем работников. Штаты районных и окружных собесов были до крайности ограничены. Эти неблагоприятные условия усугублялись еще трудностями подбора квалифицированных кадров, которых было мало в республике.

Специфика местных особенностей, влияющая неблагоприятно на постановку дела социального обеспечения, заключалась в следующем. Во-первых, сравнительно продолжительная Гражданская война привела к появлению множества нуждающихся в социальной помощи. Во-вторых, республика была экономически отсталой, а местный бюджет – слабым, он не был в состоянии удовлетворить все ее финансовые потребности. Так, в 1926 г. на нужды соцобеспечения было выделено 2,09 % местного бюджета, или 96000 руб., и 1,6 % центрального бюджета – 35000 руб. [8. Л. 7, 8].

Таким образом, на душу населения в среднем выходило 11,3 коп. Этих средств было крайне недостаточно при имеющемся в Дагестане количестве нуждающихся в социальной помощи и охвачено ею было не свыше 1100 человек. Многоязычие Дагестана также усугубляло проблему. Это затрудняло руководство низовыми органами кресткомов, т.к. литературы на местных языках по вопросам соцобеспечения не имелось. При этом из-за существовавшей в республике двойной системы назначения пенсии местными комиссиями из местного бюджета и коллегией НКСО из средств госбюджета наблюдались случаи, когда инвалиды одной и той же группы получали разные пенсии, что вызывало нарекания населения.

Для улучшения пенсионного обеспечения властные органы республики предприняли ряд практических мероприятий. Местным органам было предписано придерживаться единообразного пенсионирования инвалидов. Наркомсобес РСФСР впредь отпускал дотации округам как на принятие новых пенсионных единиц, так и на доведение пенсий до твердых норм. Вместе с тем предлагались меры по улучшению работы единственного в республике Дома инвалидов войны в Буйнакске, а также по борьбе с беспризорностью. В Дагестане предполагалось организовать несколько инвалидных артелей, в частности в Махачкале и Кизляре для инвалидов войны. Однако вопрос о повышении жалованья заведующим райокрсобесами наравне с другими заврайокрисполкомами остался нерешенным из-за бюрократических проволочек.

Таким образом, приведенные архивные материалы позволяют проследить процесс формирования пенсионной системы в Дагестане. При этом они показывают как успехи, так и трудности, имевшие место в этом деле. В большинстве своем они были обусловлены специфическими условиями республики: затяжной Гражданской войной, нехваткой средств, от-

сутствием налаженной связи с местами. Вместе с тем важным направлением социального обеспечения являлось обеспечение инвалидов войны и их семей. Оно осуществлялось как в виде единовременных, так и регулярных выплат.

Список литературы

1. Керимова Л. Развитие социального обеспечения в Дагестане за 40 лет. Махачкала, Дагиздат, 1960.
2. Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы / под общ. ред. М.Э. Дмитриева, Д.Я. Травина. СПб., 1998.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 2.
4. ЦГА РД. Оп. 2. Д. 9.
5. ЦГА РД. Оп. 3. Д. 13.
6. ЦГА РД. Оп. 3. Д. 1.
7. ЦГА РД. Оп. 3. Д. 6.
8. ЦГА РД. Оп. 6. Д. 5.

* * *

1. Kerimova L. Razvitie social'nogo obespechenija v Dagestane za 40 let. Mahachkala, Dagizdat, 1960.
2. Pensionnaja reforma v Rossii: prichiny, soderzhanie, perspektivy / pod obshh. red. M.Je. Dmitrieva, D.Ja. Travina. SPb., 1998.
3. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan (CGA RD). F. R-14. Op. 1. D. 2.
4. CGA RD. Op. 2. D. 9.
5. CGA RD. Op. 3. D. 13.
6. CGA RD. Op. 3. D. 1.
7. CGA RD. Op. 3. D. 6.
8. CGA RD. Op. 6. D. 5.

Formation of pension system in Dagestan in 1920s

Based on the new archival sources, the article deals with the establishment of the pension system, which is an important component of the social policy in the Republic in the first decade of the Soviet power. Various forms of social support are characterized in this aspect: pensions, allowances, rations to families of the red army soldiers, etc. Both success and difficulties are under consideration.

Key words: *pension system, the Dagestan Republic, People's Commissariat of Social Security, pensioners, pensions, allowances, rations, social support, committees, community work.*

(Статья поступила в редакцию 06.04.2017)

К.В. ПЕРШИН
(Волгоград)

БОРЬБА ОРГАНОВ НКВД-НКГБ СССР С ДЕЗЕРТИРСТВОМ И БАНДИТИЗМОМ НА ТЕРРИТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Раскрываются взаимосвязь бандитизма и дезертирства, их повышенная общественная опасность в условиях военного времени, проводится анализ уголовного законодательства и нормативной базы, регулировавшей деятельность органов НКВД-НКГБ СССР по борьбе с указанными преступлениями, исследуются факторы, которые способствовали совершению данных видов преступлений, рассматриваются основные мероприятия по искоренению таких правонарушений.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, бандитизм, дезертирство, НКВД, НКГБ, оперативные мероприятия, репрессии, депортации.*

В годы Великой Отечественной войны Советский Союз, помимо противостояния с нацистской Германией и ее союзниками, столкнулся с целым рядом проблем (обеспечение фронта продовольствием и боеприпасами, организация медицинской помощи [20], переустройство промышленности и др.). Кроме того, велась борьба и с внутренними противниками, в числе которых были дезертиры и участники бандформирований. Эта проблема затронула и Сталинградскую область, на территории которой в 1942–1943 гг. развернулось одно из самых масштабных сражений в истории войны.

Изучение опыта и методов борьбы с бандитизмом и дезертирством представляется весьма актуальным, поскольку на территории отдельных регионов нашей страны продолжают действовать незаконные вооруженные формирования и банды, занимающиеся совершением терактов, грабежами, убийствами и пр. В условиях вооруженного конфликта, с учетом современных форм и методов пропаганды, дезертирство из рядов вооруженных сил может представлять угрозу безопасности страны, поэтому изучение деятельности правоохранительных органов и спецслужб в период Вели-

© Першин К.В., 2017